

СЫН СВОЕГО ОТЦА

Только через 70 лет стала известна судьба солдата

Семья Иванова Ерофея Игнатовича (он справа), рядом мама Федосья Фёдоровна, слева жена

ПЕРВЫЙ РАЗ О СВОЕЙ СУДЬБЕ

76-летний бичурянин Ерофей Игнатович Иванов всю жизнь считал, что его отец пропал без вести. Когда Игната Федоровича призвали в армию, сыну было два года, и помнить отца он не мог. Но знает со слов матери, как ей принесли «похоронку»: «Только увидела казённый конверт вместо привычного треугольника, рёвушком заревела, – рассказывает Ерофей Игнатович. – Мама была совершенно неграмотной. Не знаю, кто прочитал извещение, может, почтальон Ксения Зацепина. Да и конверт ещё не вскрыли, а она уже всё поняла. Нас осталось пятеро малолеток. Старшей, Акулине, 15 лет, Кузьме – 11, Ксене – 9, мне 2 года, а Ира родилась, когда отца уже забрали на фронт. И начались наши мытарства. Умерла младшая сестрёнка, началась голодуха. До войны хлебушка наелись, колхоз «Сталинский путь» был на хорошем счету. Отец работал бригадиром. Какое-то время, по словам стариков, был заместителем председателя колхоза. А тут всё рухнуло в одночасье. Мама и нас растила, и с утра до ночи на колхозной работе – жала, вязала снопы. На свёкле работала, пеньку трепала, тут старшие дети помогали. Работа тяжёлая, возни много с этой коноплей. Её замачивали в озёрах возле Хилка, на конях привозили к нам домой, мяли на деревянной мялке, вычесывали щетину (костру). Из конопли сучили нитки, а мужики прямо на улице вили верёвки для колхоза.

Позже маму поставили пекаркой, пекла хлеб на всех, кто в поле. Пекарня была напротив нынешнего клуба по Коммунистической (тогда Сталинской)

улице. За отца ни копейки не получали. Помню, первая пенсия мамы была 8 рублей, но это уже было намного позже.

Еда, как у многих, всё в чугунок шло: крапива, свекольный лист. Мели повилицу, от этих чёрных лепёшек жестоко маялись животами. Нас корова спасала (мы ей не попускались), где курица яйцо снесёт. Только такое время было, что всё надо было сдавать государству. Бычка забил – шкуру сдай, сдавали молоко, яйца, шерсть, даже если баран нет. Контролёры с уполминзага по домам ходили.

Нам помог выжить родственник Андрей Мануилович Иванов. Подростков Акулину и Кузю взял в свой колхоз имени Калинина на Усть-Хайцыгырскую ферму. Позже и меня, пятилетнего, туда за руку увели. Жили прямо на ферме. Куля пасла коров, Кузя – баран. Десятилетняя Ксения жила в Алтачее в няньках у хороших людей – дяди Гриши (Григория Ананьевича) и тети Дуси (Евдокии Кирилловны) Грудининых. Они оба в школе работали. У них было двое детей.

На ферме был маленький маслозавод. Работникам пайку давали: стакан муки, пшеничной или кукурузной, и кусок хлеба, лепёшки пекли, кашу варили. В Алтачее побогаче жили, чем в Бичуре. Я кормился возле сестры и брата. Иногда перепадал стакан пахты. Ничего слаще не было. Вкуса сахара я не знал.

Спали на нарах, постелёшка так себе, один потник. Одежды тоже не было, я в школу пошёл в старой вылезшей яманьей дохе до пят, на одной ноге унт, на другой ичиг. Одна Ксения у нас выучилась, окончила 7 классов, кооперативный техникум в Улан-Удэ, работала в среднем магазине Бичурского сельпо. Никого из моих братьев и сестёр нет. Я один остался.

В сорок седьмом году пошёл в первый класс Сталинской начальной школы. Мои учителя все приезжие: Тамара Михайловна Иванова, Галина Александровна Савельева, Октябрина Николаевна Петрова. Галина Александровна водила нас в кино в клуб – бывший купеческий дом. Вместо экрана – простыня, простые лавки – вот и весь клуб. Я самый маленький был, и Галина Александровна садила меня на колени. Я это никогда не забываю. В пятый класс пошёл в Бичурскую начальную, она была на месте нынешней БСШ №1. Мои одноклассники – соседи Миша Челюбеев, Алёша Родионов, обоих уже нет в живых, как не осталось никого из моих первых учителей. До школы пять километров, одежонка плохая. Зимой, в самые холода, жил у тётки Анисьи, их дом недалеко от школы. Это жена дяди Антона, погибшего брата отца.

В пятьдесят третьем году умер Сталин. Директор Иван Петрович Суетин линейку проводил, а в следующем году районо выбрал из школ неимущих детей, полусирот 14-15 лет и увезли в Гусиноозёрск в горнопромышленную школу №1. Нас не спрашивали, нас просто отобрали. С нашего околотка попали в эту школу Паша Ткачёв, Паша Акатов, я и Павлов Ваня. У троих отцы погибли, и самих моих годков, кроме одного, тоже нет.

Набралось нас тогда с республики 150 человек. Кто постарше, после учебы попали в Джиду на вольфрамо-молибденовый комбинат проходчиками

и горноспасателями. Мы, пацаны, учились на плотников и каменщиков, девочки – на штукатуров-маляров. Плотницкая специальность в жизни пригодилась, но меня тянуло к технике, мечтал стать шофёром. Сын Андрея Мануиловича Иванова Владилен Андреевич после армии работал на сахарном заводе на машине, а жил у нас. И хотя он старше меня на семь лет, везде, где можно, брал с собой. Позже я осуществил свою мечту – получил профессии тракториста, комбайнера и водителя. 28 лет, с 1964-го до 1992 года отработал на разных машинах, начиная с ГАЗ-51.

Я до четырнадцати лет дальше Алтачей не был. Но в Улан-Удэ однажды попал: наша молодуха Анна Ивановна ехала с торговлей зелёным луком. Мне все интересно, особенно в городе. Тогда впервые в столовой поел котлеты, узнал вкус компота и киселя.

И вот теперь на крытом грузовике нас под новый год везут в Гусиноозёрск, а точнее, на железнодорожную станцию Сульфатная, что близ Гусиного озера. Нас перемыли, приодели. Выдали чёрные гимнастёрки и брюки, бушлаты, шапки, валенки, рукавицы и... нижнее бельё. Застеленные койки: простыня, одеяло, покрывало. Дома этого не было, да и не надо было, спали на палатках, кровать только у родителей. А тут ещё попали сразу на новогоднюю ёлку, первую в моей жизни. Дали нам по большому душистому яблоку и бумажный пакетик леденцов.

Теорию изучали в классах, а практика была в столярном цехе. Мастер, Буланов Владимир Иванович, – хороший человек, плохого не вспомнил бы. Потом начали строить в Гусиноозёрске четырёх- и восьмиквартирные дома по улице Первомайской. Учились 10 месяцев, получили профессию плотник-опалубщик. В училище был свой клуб, столовая, спортзал. Одевали, кормили, за что хочется сказать запоздалое спасибо советской власти.

Нас с Ткачёвым Пашей оставили в Гусиноозёрске в стройуправлении: оценки и характеристики были хорошие. Но тянуло домой, и спустя время мы вернулись в Бичуру. Я, как уже говорил, получил техническое образование, работал в колхозе, МТС и АТХ. Добрым словом вспоминаю руководителей – Нетёсова Гаврилу Артамоновича – директора МТС, Игумнова Ивана Николаевича – начальника АТП.

В 1960 году на танцплощадке в саду кинотеатра имени Ленина встретил свою будущую жену Лидию (Улиту) Александровну. Она бичурская, работала санитаркой в роддоме колхоза Красное Знамя Труда, затем в районной больнице. В первый раз в мой родительский дом нас вёз на одноконных дрогах мой братан. Прожили мы вместе 43 года. Лида умерла 13 лет назад. У нас родились и выросли трое сыновей: Василий, 1961 года рождения, Мария на год моложе, Павел с шестьдесят пятого. У меня 11 внуков и 5 правнуков».

БЕЗ ВЕСТИ НЕ ПРОПАВШИЙ

Я начала своё повествование с того, что герой этой истории 70 лет считал, что его отец пропал без вести под Сталинградом. И вот передо мной

электронное письмо, подписанное незнакомым бойцом поискового отряда Андреем Орешиним.

Здравствуйте!

Поисковиками Волгоградской области позавчера был найден боец. По записке в медальоне установлено имя – Иванов Игнат Федорович, 1904 года рождения. Родом из деревни Бичура. Родственницей указана жена Иванова Федосья Фёдоровна.

Спешно еду на улицу Коммунистическую, дом 400, чтобы обрадовать Ерофея Игнатовича этой новостью. К моему огорчению, увидела наглухо закрытые ставнями окна добротного крестьянского дома и на снегу ни одного следа к воротам. Уж не случилось ли чего? Знала, что он тяжело болен, почти не видит. Соседи развеяли мои предположения. Ерофей Игнатович жив, он переехал к сыну, здесь же, в Бичуре. Дом Василия Ерофеевича встретил меня детскими голосами и смехом. Приветливая невестка Светлана пояснила, что дедушка с серьёзными проблемами здоровья попал в хирургическое отделение. Здесь мы и встретились с Ерофеем Игнатовичем. В приёмном покое прочитала ему письмо Волгоградского энтузиаста-поисковика Андрея Орешина. Письмо заканчивалось словами:

Если данный боец является вашим родственником, просьба откликнуться.

Конечно, сначала были слёзы. Заблестели глаза у остановившейся возле нас хирургической медсестры Надежды Анфилоновны.

Второе электронное письмо прояснило важные детали. Цитирую:

На выходных днях 17-18 сентября 2011 года наша поисковая группа выезжала на разведку по местам боёв 205-й стрелковой дивизии в район хутора Венцы и непосредственно на высоту с обелиском Гусева. В первый же день были подняты останки семи бойцов, двое были с медальонами. Один из них прекрасно читается. Вот данные из ОБД (Обобщённый банк данных) на этого бойца.

Далее идёт информация о найденном солдате. Игнат Федорович Иванов, командир отделения. Дата призыва – июль 1941 г., призван Бичурским РВК. Дата выбытия – декабрь 1943 г. Источник информации Центральный Архив Министерства Обороны СССР.

Читатель заметил, что наш земляк был найден три года назад, но нам это стало известно значительно позже. Вернемся к письму поисковиков.

Бойцы лежали присыпанные в воронках на небольшой глубине. Вместе с Ивановым лежали ещё двое с ложками, на которых есть инициалы. Второй медальон на экспертизе, чернила на нём выцвели и нужно спецоборудование. Сейчас этим медальоном занимаются.

Все позиции, которые не были запаханы после войны, видны и, соответственно, перекопаны не один раз. Остальные – в полях под запашкой. В полях много железа, остатки касок СШ-36, магазины от СВТ (самозарядная винтовка Токарева), АВС (автоматическая винтовка Симонова) и т.п. Лопатки у бойцов все старого образца, но вообще видно, что сражались кадровые части, укомплектованные по полной программе.

Останки переданы местным жителям из станицы Клетская, где на днях должно состояться захоронение. На месте гибели они планируют поставить небольшой обелиск со звездой, как это было раньше с другими именными бойцами.

В принципе почти все высоты в данном районе изрыты ячейками, кое-где есть окопы. На месте мы познакомились с одним дедом, который ребёнком участвовал в сборе бойцов и их захоронении. Кос-тями были завалены все склоны. По его словам, в Венцы они никого не свозили. Бойцов просто прикапывали в воронки, промоины.

В переписке поисковиков есть такая фраза:

Поиском обычно занимается Харитонов В.Н. из станицы Клетская и другие коллеги в рамках своих возможностей.

Остаётся передать по просьбе Ерофея Игнатовича, его большой семьи сердечное спасибо патриотам, которые не дают погаснуть огню Памяти.

Попросила его родственников посчитать потомков погибшего солдата. И вот что получилось. У Игната Фёдоровича 16 внуков, 39 правнуков, 25 праправнуков. Так что остался его след на Земле и не прервалась линия его жизни. Жаль, что ни одной фотографии найти не удалось.

И вместо заключения. В семье Ивановых в Великую Отечественную воевало четверо сыновей. Игнат Фёдорович был старшим. Евсей Федорович, 1917 года рождения, живъём горел в танке. 30-летний кавалерист, лейтенант Антон Фёдорович – пропал без вести в сорок четвёртом. На смену им пришёл артиллерист Мирон Фёдорович, до того уже побывавший на Хасане. Каково было родителям Фёдору Семёновичу и Аксинье Ивановне Ивановым пережить ту войну? Вспомним и их добрым словом.

Нелли Коробенкова.

P.S. У Ерофея Игнатовича Иванова 45 лет трудового стажа, нет ни медали «Ветеран труда», ни инвалидности, и он рассчитывает на 300 рублей ежемесячной льготы как дитя войны.